

Багрянец заката разлился над Горой Небесного Императора, окрашивая качающиеся на ветру травы и духовные растения в густые пурпурные тона. Свет, падая под косым углом, дробился и ширился, пока не превратился в ослепительное оранжевое золото.

Цзян Чаншэн вернулся в свою закусочную. Следом за ним, цокая копытами, шел давешний горный бог — существо с телом овна и человеческим лицом. Услышав, что в заведении Чаншэна выбор духовной снеди куда богаче, божество не раздумывая решило сменить обстановку.

Ступив в изящно обставленный зал, горный бог не удержался от восхищенного вздоха.

— Послушайте... — Цзян Чаншэн с сомнением покосился на гостя. — Разве по чину горному богу покидать свой пост? Разве вы не должны постоянно оберегать деревню и следить за порядком?

Бог коротко кашлянул:

— Быть богом — тяжкий труд. Окружающие должны понимать, что и нам порой требуется отдых.

— И в чем же заключается ваша тяжесть? — любопытствовал Чаншэн.

Он уже нарисовал в воображении величественную картину: божество, неустанно бдящее над покоем верующих, сокрушающее свирепых демонов и выбирающее среди тысяч молитв те, что исходят от чистых сердец. Истинное подвижничество.

— Каждый день, едва открыв глаза, я вынужден выбирать, что из подношений мне съесть, — торжественно провозгласил бог. — И раз за разом это одно и то же. Невероятный, изнурительный труд.

Чаншэн поперхнулся:

—...

Божество, меж тем, картинно закрыло лицо руками, едва не всхлипывая:

— Столетиями, поколение за поколением, я ем этот пресный рис. Изредка они меняют сорт, но суть остается прежней. Даже самая изысканная еда осточертеет за несколько веков, а уж это... Я глубоко несчастен.

— В подношениях главное — искренность, — попытался утешить его Чаншэн. — Разве можно мерить дар только вкусом?

Дань Синьцзэ, только что прибывший через портал из филиала в Центральном Божественном Округе, поймал последнюю фразу.

— Вот именно! — подхватил он, энергично кивая. — Я и сам знаю, что в кулинарии не мастер, но готовлю с душой, поэтому лавочнику так нравится моя еда.

Он с надеждой взглянул на хозяина:

— Ведь так, лавочник?

В памяти Цзян Чаншэна мгновенно всплыл кошмарный вкус «шедевров» его помощника.

— Ну... — Чаншэн выдавил из себя мученическую улыбку. — Да. Разумеется.

Растроганный Дань Синьцзэ окинул взглядом запыленных путников:

— Знаете что? Все наверняка проголодались и устали. Позвольте мне сегодня приготовить ужин!

— Нет-нет, ни в коем случае! — Чаншэн вскинул руки, пресекая смертельную угрозу в зародыше. — Ты и так весь день присматривал за лавкой, как я могу тебя нагружать?

— Да бросьте, лавочник, это мелочи! Мне совсем не трудно.

— И всё же, ты заслужил отдых. Ступай, переведи дух...

После долгих уговоров Синьцзэ всё-таки сдался. Он ушел, согретый мыслью о том, как заботлив его патрон, не желающий обременять его лишней работой.

Три зверя-спутника, наблюдая за сияющим лицом Синьцзэ, лишь самодовольно переглянулись.

Эр Пан, рыжий кот, выпятил грудь и вальяжно произнёс:

— Сегодня мы сопровождали хозяина на гору Ивань...

Сань Ва, сирийский хомяк, легонько стукнул его лапкой по макушке:

— На гору Ивань. Будь точнее.

— Ну да, на Иваньшань... — Кот облизнулся. — Ох и вкусные там плоды да цветы! Но хозяин, беспокоясь, как бы мы не проголодались в пути, приготовил нам ту самую острую рыбу на углях. Вкус — просто божественный, до сих пор на языке тает.

Хаски Да Ша вклинился с растерянным шепотом:

— А когда это мы ели...

Хомяк коротким ударом заставил его замолчать и ехидно улыбнулся Дань Синьцзэ:

— Ты, конечно, ничего этого не пробовал, но не расстраивайся. Может, в следующий раз хозяин возьмет тебя с собой. Мечтать ведь не вредно?

Синьцзэ лишь вежливо кивнул. Острая еда его не прельщала. Но то, с каким пылом звери делились с ним радостью своего путешествия, наполнило его сердце теплом. В закускойной воцарилась атмосфера редкого единодушия и гармонии: каждый получил то, что хотел.

Цзян Чаншэн отправился на кухню. Изначально он планировал обойтись заготовками из магического контейнера, но ради гостя решил расстараться.

В его «Дневнике Гор и Морей» было открыто уже двадцать шесть записей. К списку добавилась птица Циту — тот самый трехглавый ворон. До нужного числа посетителей оставалось несколько сотен. Ли Хунгуан и остальные скоро должны были вернуться с практики — возможно, стоило заглянуть к ним в орден с рекламой?

Кстати, куча сумок и одеяний, которые притащил Ши Цзю, так и пылилась в филиале. Несмотря на объявление, за пропажей явились лишь единицы.

«Неужели практики в Центральном Божественном Округе настолько богаты, что не дорожат имуществом?» — задался вопросом Чаншэн и всерьез задумался о повышении цен.

К основному блюду, свинине Дунпо, он решил добавить десерт — рисовые колобки с тростниковым сахаром. Горный бог, услышав об этом, вызвался помочь с ингредиентами. Одним усилием воли он перенес в закускойную запасы соевой и арахисовой муки, а также плитку темного сахара из домов своих верующих.

Чаншэн замер с половником в руке:

— Ты хоть предупредил их?

Бог безмятежно улыбнулся:

— Я явлюсь им в сновидении.

Чаншэн лишь вздохнул.

Он начал замешивать тесто, постепенно подливая воду, пока масса не стала гладкой и упругой. Накатав аккуратных маленьких шариков, он опустил их в раскаленное масло. То ли дело было в системных приправах, то ли в мастерстве, но колобки приобрели идеальный золотистый оттенок, а по кухне поплыл дурмящий аромат.

В другом сотейнике он принялся варить густой сироп. Готовые колобки отправились в карамельную массу, после чего Чаншэн щедро посыпал их соевой мукой и добавил сахарную корицу с ароматом османтуса. Эту добавку он приготовил заранее, напятав собранные Цзюэжу цветы магической силой.

Звери начали подавать на стол. Помня об аппетите Ши Цзю, на этот раз никто не церемонился — палочки замелькали над тарелками с невероятной скоростью.

Горный бог, вцепившись в порцию, ел с жадностью голодающего. Свинина Дунпо покорила его насыщенным вкусом, а неказистые на вид колобки оказались настоящим откровением: хрустящая корочка, нежная мякоть и сладость, разливающаяся внутри. Божество, привыкшее к скудному рациону, едва не плакало от восторга. Обычный рис и сахар под руками мастера превратились в симфонию вкуса.

В тот же миг, не отрываясь от трапезы, бог начал «вызывать» своего верховного жреца в деревне Игуань.

Жрецу деревни Игуань в ту ночь привиделся странный сон.

Его семья занимала этот пост поколениями, пользуясь в деревне огромным почетом. И хотя внешне он всегда выказывал горному богу глубочайшее почтение, втайне сорок восемь лет его мучил вопрос: существует ли бог на самом деле?

И вот, на сорок восьмом году жизни, он увидел его.

Бог выглядел не совсем так, как рисовало воображение: лик человеческий, но тело — овна, а во взгляде читались мудрость и спокойствие.

Жрец затрепетал от восторга. Бог явился именно ему! Значит ли это, что он лучший среди всех жрецов?

На самом деле, бог выбрал его лишь потому, что тот был самым молодым. Остальные жрецы были глубокими стариками, и бог всерьез опасался, что от избытка чувств их сердца могут не выдержать божественного визита.

— Все эти годы ты исправно устраивал празднества в мою честь, — промолвило божество. — Я ценю твоё рвение.

Жрец пал ниц, и невидимая теплая сила мягко приподняла его.

После нескольких благочестивых фраз бог перешел к делу:

— Кхм... Недавно на Горе Небесного Императора я обнаружил одну закусочную. Снедь там... весьма недурна. Но поскольку я должен бдеть над безопасностью вверенных мне земель, я не могу отлучаться туда слишком часто.

— О великий бог, я всё понял! — Жрец был готов броситься в огонь и воду. — Я немедленно соберу людей, мы схватим этого повара и притащим его сюда, чтобы он служил тебе вечно!

— Кхм-кхм! — Бог едва не поперхнулся. — Проявлять грубость ни в коем случае нельзя. Тот мастер — личность незаурядная. Будьте предельно почтительны. Если сумеете принести мне побольше его блюд в качестве подношений, это придаст мне сил еще усерднее защищать деревню Игуань.

Жрец похолодел: «Неужели в той лавке живет иной бессмертный?»

— Я исполню всё в точности, как ты повелел, — истово пообещал он.

— Вот тебе магические талисманы, — добавил бог. — Путь до Горы Небесного Императора неблизкий, но с ними вы преодолете тысячи ли в одно мгновение.

Фигура бога подернулась дымкой и исчезла.

Жрец вскочил, тяжело дыша. Вокруг было тихо, за окном в ночном небе сияла луна. Жена, не просыпаясь, пихнула его ногой:

— Подвинься, придавил...

Он уже готов был списать всё на игру воображения, когда нащупал на подушке бумажные листки. Это были те самые талисманы из его сна.

На следующее утро, когда первые лучи солнца едва коснулись изумрудных склонов Горы Небесного Императора, Цзян Чаншэна разбудил отчаянный крик Дань Синьцзэ.

— Лавочник! Беда! Там снаружи толпа деревенских, они требуют тебя!

Чаншэн подскочил на кровати. Первая мысль — звери опять что-то натворили. Вторая — как простые смертные умудрились сюда добраться?

Наспех набросив халат, он вышел на порог и обомлел. Десятки людей смотрели на него с такой смесью жажды и благоговения, что становилось не по себе.

Предводительствующий ими мужчина средних лет вскинул голову и ахнул:

— Это ты!

Цзян Чаншэн нахмурился. Присмотревшись к человеку, он узнал его. Совсем недавно они встречались — это был отец Гун Шичжу, староста деревни Игуань.

<http://bllate.org/book/17549/1714558>